

Максим СИМБИРЕВ

Родился в 2000 году в Саратове. Окончил юридический колледж. Студент Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Чернышевского.

Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Нева», «Филигрань». Участник «Мастерских АСПИ», «Мастерской Захара Прилепина», семинаров-совещаний «Мы выросли в России», «Химки». Призер международного конкурса «Верлибр».

Живет в Саратове.

ТРОФЕИ

Я был еще ребенком, когда дед проговорился о трофейном Walther P38. Мой прадед обезоружил немецкого офицера под Сталинградом, а пистолет после войны закопал на даче, где-то у сарая. Я ни разу не подал виду, что мне интересен «вальтер».

Дед умер, когда мне было двадцать два. Родственники быстро забросили дачу, и тогда я отправился на поиски. дождался, пока земля немного просохнет после майских дождей.

Я будто рыл окопы вокруг ветхого сарая! Мне казалось, что он рухнет, настолько я раскопал все вокруг. Раз за разом в мокрой земле попадались лишь дождевые черви. Пока копал, думал, что совершаю какой-то обряд – воскрешаю мертвеца. Вокруг было тихо, и только моя лопата почти в такт пронзала землю, словно долгое вступление в седьмой симфонии Шостаковича. Я почти уже смирился с тем, что дед выдумал красивую легенду о своем отце. Уже до крови стер руки, когда нашел большую металлическую коробку из-под чая. На крышке была картина Репина «Дуэль Онегина и Ленского».

«Вальтер», почти в идеальном состоянии, лишь немного потертый, был завернут в газету «Красная звезда» и чем-то смазан, возможно, солидом. Мой взгляд упал на заголовок: «Герои Сталинграда». Я резко взял пистолет, моя рука была в крови, земле и смазке. Посмотрел на затвор «вальтера» – P. 38 ac 41. Я словно открыл в детстве киндер! Пистолет изготовлен именно на заводе Walther, а не где-нибудь еще! Я представил, как прадед врывается в окопы немцев, они бросают оружие и поднимают руки. Нет, не так. Солдаты Красной армии берут в кольцо армию Паулюса, Паулюс сдается, и мой прадед лично забирает у него «вальтер».

Еще в коробке лежали рассыпанные патроны 9 мм и отдельно магазин. Я положил их вместе с пистолетом в пакет, завернул в черную майку, которую специально взял из дома. Убрал в рюкзак. Я выпрямился и стал выше на десять сантиметров. Взгляд стал тяжелым, челюсть квадратнее. Походка стала уверенной, словно в голове на повторе играла песни группы «Кровосток».

Я даже рассказал Сане о находке. Друг заверил, что у него есть оружейное масло, протирка и ветошь, поэтому пистолет можно смазать у него. Заядлый авантюрист и коммунист, Саня хранил у себя незаконный ГТ и запоем читал Ленина. Он единственный из моих знакомых осилил собрание сочинений вождя. И уверенно заявлял, что все понял.

Саня открыл дверь.

– О! – я удивился его сиренево-зеленой олимпийке. – Ты больше не коммунист?

– Не важно, во что ты одет, важно то, что ты думаешь. Ленин так писал.

На патефоне играла грампластинка «Смуглянка». Саня рассказывал, что пластинку выпустили осенью сорок четвертого в Ленинграде, спустя всего девять месяцев после того, как освободили город от блокады.

Когда Саня взял «вальтер», его брови потянулись к переносице. Свежевыбритая голова закачалась влево-вправо. Почти килограммовый пистолет прыгал из одной руки в другую. На стене висел устрашающий портрет Че Гевары. А рядом смотрели куда-то вбок, в светлое будущее, Маркс, Энгельс и Ленин.

– Наших убивал, – сказал Саня.

Друг в шутку направил на меня пистолет. Я представил, как офицер вермахта, похожий на ястреба в форме, хладнокровно стрелял из «вальтера».

– Вполне мог. Можно будет по бутылкам пострелять, ты из «токарева», а я из «вальтера», круто же.

– Ты еще скажи на охоту пойдём, русских зверей убивать. Я тогда прямо здесь тебя застрелю.

– Да ладно, по бутылкам можно. Я даже немецкого «козла» куплю.

– Все у тебя немецкое. Лучше выкинь, это плохая вещь.

Я хотел добавить, что только у него, у сумасшедшего, оживают вещи, но передумал, чтобы не обидеть друга. Да он и Ленина мечтает воскресить с помощью московских высоток...

Попросил Саню помочь смазать пистолет, потому что сам не умел. Он с отвращением начал разбирать «вальтер». Я смотрел, как затвор со стволом уходит вперед, словно по рельсам. Саня обмакнул ветошь в масле и начал небрежно протирать разобранные части. Я боялся, что он что-нибудь сломает.

Пока друг копался с «вальтером», я с его разрешения взял в шкафу «токарев». Рядом с ним лежали другие советские артефакты, в силу которых верил Саня, – альбомы с марками, значки, пластинки.

На щечке полимерной рукоятки «токарева» была советская звезда. Это мой любимый пистолет, характеристики я помнил наизусть. Начальная скорость пули четыреста двадцать метров секунду, мой «вальтер» проигрывает на целых шестьдесят пять метров! А прицельная дальность пятьдесят – тут уже ничья.

Собирая «вальтер» обратно, Саня сказал:

– Стрелять, думаю, будет. Но лучше выкинь.

Я обрадовался и еще раз предложил завтра выпить в окрестных степях, заодно и пострелять по бутылкам. Друг согласился.

На следующий день мы вышли из города, когда было около шести вечера. Пролезли под трубами и оказались в поле. Под ногами врассыпную прыгали сверчки. Впереди была только степь. Мы отошли подальше и кинули рюкзаки на одинокий камень, который напоминал чью-то могилу. Достали по бутылке «козла» и «жигуля». С лицом Сани было что-то не то: он сжимал челюсть, зачем-то наклонял шею, и жилы были похожи на шалаш из веток.

– За Маркса?

– Не хочу за немца пить, – обрубил Саня. – Из-за них все через жопу в мире.

– А за Энгельса?

– Да что ты про немцев все? И он туда же. Надоели, я и портреты выкину.

– А за Ленина?

– За Ленина давай.

Саня говорил обрывисто, после резко открывал рот, будто бы гавкал без звука. Его глаза были безынтересными. Видимо, я один мечтал пострелять по бутылкам.

Мы выпили по три пива, и я сказал, что пора все-таки пострелять. Саня часто моргал, смотрел то в небо, то в поле, то на город позади. Достал «токарева» и предложил устроить дуэль. Прикальвается, подумал я. Саня вставил магазин с патронами в рукоятку и вытянул правую руку вперед.

Спрашивал друга, из-за чего, зачем и с какой стати нам стреляться, но он молчал. Зачем ему меня убивать? Я достал из рюкзака «вальтер» и магазин, снаряженный патронами. Щечка рукоятки обожгла мозоли. Пока копался, услышал скрежет металла за спиной. У «токарева», в отличие от «вальтера», не было рычажного предохранителя, и Саня уже мог выстрелить, то есть убить меня.

– Иди на восемь метров, – твердо произнес Саня. Нацелил «токарев» на меня и держал его так, будто всю жизнь служил в спецназе. Я же никогда не стрелял и был только плохим теоретиком.

– Да ты прикальываешься, Онегин недоделанный, для чего?

– Становись, говорю. Нацист, мля, литератор. У тебя был шанс. Я говорил – выкинь. А ты? Выкинул? Пострелять хотел, нацист? Сейчас постреляешь! И для справки, неуч, Онегин никого на дуэль не вызывал.

Похоже, здесь и вправду неуместно вспоминать дуэли Онегина и Ленского, Гринева и Швабрина, Печорина и Грушницкого, Кирсанова и Базарова, Безухова и Долохова, кто там еще... Ставрогина и Гаганова, Лаевского и фон Корена, Николаева и Ромашова. Все это написано, тем более половина без смертей. Фарс вокруг больше напоминал поединок Одоевцева и Митишатьева. А в жизни кто стрелялся? Лермонтов? Пушкин? Из декабристов кто-то, они же погибли, значит, и я умру.

– Да какой я нацист? У меня прадед в Сталинграде воевал.

– Знаю. Бежал с Манштейном или залег на дно. – Саня сделал паузу, затем добавил. – Сволочь ты!

– Ты реально из ума выжил? Или это «токарев» тебе говорит? Давай, убей друга, стреляй, раз тебе пистолет так говорит.

– «Токарева» не трогай. Это ты, придурок, стоишь с нацистской хренью! И я еще из ума выжил?

– Сань, я все понимаю. Но прадед обезоружил немца. Я же рассказывал...

– Отходи, сказочник.

Что чувствует человек, когда в него попадает пуля? Тем более пуля «токарева» 7,62 мм, которая пробивает бронежилеты второго класса, пробивает десять сантиметров красного кирпича, открывает замки, простреливает каски, ломает кости...

Разошлись метров на десять, я специально отходил подальше. Комары надо мною рассекали степной воздух, кусали, но я не отмахивался, чтобы не провоцировать Саню. Стоял ровно. Пистолет опустил. Мне казалось, что комары – его истребители и они уничтожают меня потихоньку, по частичкам. Друг выстрелил первым. Громкое ТАХ, словно петарда взорвалась. Без секунданта, без предупреждения, без планки. Я даже и понять ничего не успел. Он промахнулся. А ведь стрельнул же. Он нажал на спусковой крючок. Курок ударил по ударнику, ударник по капсюлю патрона. Пуля пролетела со скоростью четыреста двадцать метров, чтобы вышибить мои мозги. Саня хотел меня убить.

Представить, как умираешь от пули, не так трудно, раскаленная железка летит сквозь живот, да? Почему живот? Почему не грудь, шею, голову, руку, ногу? В руку-ногу выживешь. Лучше уж в голову тогда, чтобы не мучиться.

– Стреляй, нацист! – крикнул Саня.

– Я не нацист. И прадед мой не нацист, он герой войны! Ты реально отбитый. Выдумал неудобного и захотел убить? Так, что ли?

Саня промолчал. Я резко дослал патрон в патронник, у меня затряслись потные скользкие руки, и пальцы сами потянулись нажать на спусковой крючок. Будто бы я и не владею пистолетом, а пистолет владеет мной. Сжал «вальтер» двумя руками. Может, заблокировать ударник или вынуть магазин или поднять руки пока не поздно? Я выстрелил в воздух. Слева рядом со мной отлетела гильза.

– Что, не фурыжит побрякушка? Моя очередь, – утвердил Саня.

Я зажмурился.

– Давай, сектант, жги!

Опять промахнулся. Моя рука спазматически дергалась, указательный палец тянуло нажать на спусковой крючок. Прямо сейчас. Убить Саню. Передо мной стоял друг. И вот уже он начал дико раздражать, как раздражали комары. В целике размывался то Саня, то мушка пистолета. И я выстрелил. Друг упал практически молча, издал какой-то звук, не открывая рта. Пуля попала в ногу, видимо. Я бросил «вальтер» и побежал к Сане.

– Гнида ты эсэсовская. Стой! Стой на месте. Мы еще не все!

Пока я бежал к нему навстречу, ТАХ, Саня выстрелил еще раз, без предупреждения. Я все равно бежал к нему.

– Сань... в больницу надо. Ну, ладно. Хочешь – убей меня. Вот я стою. Стреляй. Но я не нацист и никогда им не был, отвечаю.

Я видел, как друг не хотел стрелять, как дрожали его руки, как Саня ставил и убирал указательный палец на спусковой крючок, снова ставил и убирал. Друг выкинул «токарев», и при падении, ТАХ, пистолет самовольно выстрелил. Одна из бутылок «козла» развалилась на осколки. Саня лег на спину. Из его ноги сочилась кровь.

– Сань, я не нацист.

– Да понял я.

Друг снял олимпийку и сам перетянул рану. А может, Саня чему-то сопротивлялся и только поэтому промахивался?

– В скорую звоню.

– Чтоб нас загребли? У меня знакомая мед закончила, наберу ей.

Саня постоянно трогал ногу, запрокидывал голову и слегка жмурил глаза. Приехала подруга – смуглая девочка, с виду лет шестнадцать. Приехала с водой, антисептиком, марлей и пинцетом, словно мы и правда были на войне.

– Придурки! – сказала она. Больше ничего не говорила.

Держал друга как мог. Думал, что он будет кричать и сопротивляться больше, но Саня был сдержан, только нервно дышал, будто бы не хотел позориться перед смуглянкой. Повезло, что пуля застряла в мякоти и не задела кость.

Комары безжалостно съедали нас. Мы взяли раненого под руки и доволокли до труб, откуда вызвали такси. В машине не перекинулись ни словом. Довезли Саню до дома.

Он был одиночкой: сбежал от родителей, ушел из универа, успел развестись, устроился сторожем, поэтому перед кем-то оправдываться, почему нога перебинтована и в крови, ему не нужно.

Я убедил, что пистолеты необходимо выкинуть с моста в Волгу. Друг согласился, затем уснул. Смуглянка легла рядом.

На освещенном фонарями мосту ветер дул то с одной стороны, то с другой, бывает ли такое? Пистолеты полетели вниз и при касании с водой образовали нечто похожее на взрывы. В наушниках играла «Смуглянка». А потом Rammstein Reise, Reise.